

Е Хуай лишь ощутил, как лицо обдало яростным порывом ветра. Но тот не успел причинить ему ни малейшего вреда — стоявший впереди молодой человек принял весь удар на себя.

Мальчик широко распахнул глаза. Осознание обожгло его изнутри:

— Благодетель, нет!..

Всхлип.

Звук, с которым острое вонзилось в плоть, был совсем тихим, но для Е Хуая он прозвучал подобно оглушительному взрыву.

Губы мальчика задрожали. Он во все глаза смотрел на то, как судорожно содрогнулось тело Цзян Ту. Сердце в груди забилося так бешено, словно готово было вот-вот вырваться наружу.

«Благодетель... Он подставился под удар ради меня!»

В панике Е Хуай попытался удержать его, не дать упасть, но Цзян Ту предостерегающе вскинул руку, останавливая его.

Две короткие стрелы глубоко вошли в его тело: одна под ребра, другая чуть ниже, в живот. По подбородку Цзян Ту быстро побежала тонкая струйка крови. Сведя брови к переносице, он вытолкнул засевшие в плоти наконечники мощным импульсом внутренней силы. Стрелы со свистом вылетели обратно, а на землю брызнули капли черной, запекшейся крови.

Наконечники были отравлены.

Раны обожгло острой болью, сменившейся ледяным онемением, словно тело опутали колючие заросли терновника. По венам, содрогающимся в судорогах, будто поползли змеи — отравы упрямо и нагло рвалась к самому сердцу.

Цзян Ту стремительными ударами пальцев заблокировал ключевые меридианы, запечатывая яд. Его лицо оставалось холодным как лед. Проследив взглядом траекторию полета стрел, он увидел, как заклинатель, которого он только что впечатал в землю, тяжело поднимается на ноги, судорожно хватая ртом воздух и снова принимая боевую стойку.

Стоило раскладу измениться, как приспешники Ордена Стремительного Ветра, заметив его ранение, мигом воспряли духом. Сбросив всякую напускную покорность, они кровожадно заголосили и двинулись на него:

— Он ранен! Отличный выстрел!

— Добивайте его, пока слаб! Прикончим гада одним ударом и заберем сосуд для парного совершенствования!

Стрелявший исподтишка только открыл было рот, чтобы что-то сказать, но его сотоварищи уже ринулись в атаку. Рассредоточившись, они одновременно бросились на Цзян Ту с пяти сторон.

На лбу Цзян Ту вздулась вена. Не невыносимая боль заставила его помрачнеть, а другое. Каким образом он, Владыка преисподней, умудрился пропустить эту подлую атаку? Одно лишь это упущение вызывало у него глухое раздражение.

«Сначала я думал оставить кого-то в живых, — угрюмо подумал он. — Но теперь вижу: проще перебить эту шваль до единого».

Но прежде чем он успел высвободить силу, между ним и нападающими из Ордена Стремительного Ветра внезапно соткалась сияющая преграда.

Смертоносные удары бессильно увязли в защитном барьере. Нападавшие в замешательстве переглянулись и разом отпрянули.

В этот миг над поляной разнесся чистый, звучный мужской голос. Белая фигура, промелькнув за спинами опеших противников, плавно, подобно опускающемуся на воду белому журавлю, приземлилась прямо перед Цзян Ту.

Вновь прибывший оказался статным молодым человеком. Свободные полы его белоснежного халата развевались на ветру, придавая ему поистине возвышенный, парящий вид. Впечатление портил лишь ярко-зеленый кушак, перетягивающий талию — эта деталь совершенно не вязалась с его утонченным обликом.

Смерив незнакомца мимолетным взглядом, Цзян Ту мысленно хмыкнул, но воздержался от оценок столь нелепого наряда.

Его внимание привлекла нефритовая подвеска, свисавшая с этого самого кушака. Она отливала чистейшей небесной лазурью — совсем не то, что угольно-черный жетон на поясе самого Цзян Ту или лиловые бляхи служителей Ордена Стремительного Ветра.

Да и тот факт, что он играючи выставил щит против пяти нападающих разом, заставив тех трусливо попятиться, наводил на мысль, что этот человек по уровню культивации стоял на голову выше здешнего отребья.

Почувствовав, что яд вновь агрессивно пытается прорвать сдерживающие оковы духовных сил, Цзян Ту положил руку на плечо Е Хуая. Этим жестом он одновременно укрывал мальчика за своей спиной и слегка опирался на него, чтобы не выказать слабости и ненароком не осесть на землю.

Заклинатели из Ордена Стремительного Ветра злобно уставились на незваного спасителя:

— Чэн Се! Ты какого дьявола здесь забыл?!

Молодой человек, которого называли Чэн Се, невозмутимо ответил:

— Вы бесчинствуете на землях нашего Ордена Прихода и Ухода, творите что вашей душе угодно, а теперь еще и меня смеете допрашивать?

С этими словами он чуть развернулся и бросил взгляд на Цзян Ту.

Цзян Ту ни единым мускулом не выдал своей боли. Он все так же источал непоколебимую властность, разве что из-за ранения его лицо сделалось смертельно бледным. На фоне этой белизны тонкие, точеные черты лица казались еще более изысканными и темными, словно изваянными искусным мастером из холодного нефрита.

Чэн Се на миг замер, ослепленный этой ледяной красотой. С трудом совладав с нахлынувшим восхищением, он ободряюще улыбнулся:

— Не беспокойтесь, господин. Пока я здесь, эти люди не посмеют причинить вам вред.

Однако главарь нападающих лишь презрительно сплюнул:

— Жалкий выкидыш из ордена, плетущегося в самом хвосте Реестра бессмертных, еще смеет вкаты перед Орденом Стремительного Ветра?! Чэн Се, думаешь, раз твоя культивация повыше, так тебе все дозволено? Решил единолично прибрать к рукам наш сосуд для парного совершенствования?!

При слове «сосуд для парного совершенствования» Е Хуай мгновенно ошетинился. Продолжая изо всех сил поддерживать раненого Цзян Ту, он уставился на обидчиков диким, налитым яростью взглядом.

Цзян Ту несильно шлепнул его по макушке, призывая к спокойствию.

В Среднем царстве насчитывалось ровно сто великих и малых орденов, чей табель о рангах пересматривался каждые десять лет. Местные праведники поголовно презирали выходцев из Нижнего царства, но и внутри своего круга грызлись без зазрения совести, лебезя перед сильными и топча слабых. Цзян Ту не знал, на каком месте обосновался Орден Стремительного Ветра, но, судя по их спесивому тону, Орден Прихода и Ухода действительно прозябал на самом дне Реестра бессмертных.

«Странно, — размышлял Цзян Ту. — Если их орден едва держится в списке, почему этот

парень в одиночку превосходит по силе всю здешнюю свору? Неужели нам так повезло наткнуться на кого-то из старейшин этой захудалой школы?»

Пока Чэн Се отвлекал внимание противников на себя, Цзян Ту попытался очистить меридианы. Однако яд оказался на редкость каверзным: стоило направить на него поток духовной энергии, как токсины вспыхивали с новой, еще более разрушительной силой. На скорую руку их удавалось лишь временно заблокировать, но не выжечь без остатка.

Тем временем Чэн Се с обезоруживающей вежливостью сложил ладони в приветственном жесте:

— Вы заблуждаетесь, почтенные братья. До того как вы сами об этом громогласно не объявили, я и понятия не имел, что этот отрок обладает конституцией сосуда для парного совершенствования. К чему же обвинять меня в корысти?

— Но эти земли принадлежат нашему ордену. И я, как старейшина Ордена Прихода и Ухода, не могу стоять в стороне и безучастно взирать, как толпа трусов нападает на одного. Защита слабого — долг любого благородного мужа.

От подобного ханжества предводителя нападающих едва не перекошило:

— Да пошел ты в задницу со своим благородством! Раз не отдаешь мальчишку по-хорошему — мы его силой заберем! К бою!

Чэн Се слегка прищурился, и в его голосе проскользнули холодные нотки:

— Вы действительно хотите пролить кровь? Вас шестеро, но даже объединив усилия, вы смогли ранить этого господина лишь благодаря подлому выстрелу в спину. Теперь же, когда я стою здесь и не позволю вам безнаказанно бесчинствовать, на что вы рассчитываете? Думаете, у вас есть хоть единый шанс на победу?

— Солнце уже клонится к закату. Советую вам убираться подобру-поздорову, пока не стемнело.

На первый взгляд его речь звучала вполне дружелюбно, но за вежливым тоном скрывалась недвусмысленная угроза. Цзян Ту с легким интересом присмотрелся к Чэн Се. Всего пара фраз, а разница налицо: этот старейшина явно был на порядок умнее тупоголовых громил из Ордена Стремительного Ветра, не умеющих ничего, кроме как сыпать кулачными угрозами.

Предупреждение возымело действие. Нападавшие замаялись.

Они с опаской косились на лазурный нефрит Чэн Се: между вторым и третьим рангом культивации пролежала непреодолимая пропасть. Затем переводили взгляд на Цзян Ту. Этот загадочный юноша, чьи истинные силы казались бездонными, умудрился перенести попадание

отравленной стрелы без единого стога, сохранив ледяное величие. Воспоминание о том, как легко он только что втоптывал их в грязь, было слишком свежо, а фантомная боль на распухших щеках так и не утихла.

В итоге, решив сохранить хотя бы остатки лица, побитые заклинатели дрогнули и начали отступать.

Плюясь ядом и сыпля бессильными проклятиями, они закричали на прощание:

— Мы тебя запомнили, тварь! Погоди у нас!

— Передай своим нищелюдам, пусть сушат сухари! В этом году ваш убогий сброд вылетит из Реестра бессмертных со свистом!

Чэн Се лишь благодушно помахал им вслед:

— Счастливого пути! Скатертью дорожка!

Дождавшись, пока долговязые фигуры окончательно скроются из виду, он повернулся к раненому и, не тратя времени на пустые расспросы, ловким движением выудил из широкого рукава изящный флакон из тонкого фарфора.

— Господин, — мягко произнес он, протягивая снадобье. — Это целебное средство, разгоняющее застой крови и выводящее скверну. Не знаю, каким именно ядом смазали стрелы эти негодяи, но данная пилюля способна нейтрализовать большинство известных токсинов. Примите ее, вам сразу станет легче.

«Яд?!»

Слово обожгло разум Е Хуая, заставив его вздрогнуть.

Мальчик судорожно вздохнул. Его золотисто-янтарные глаза впились в бледный лик Цзян Ту. Тот стоял безучастно, храня на лице привычную ледяную маску, но Е Хуай всем сердцем почуял, какая невыносимая мука скрывается за этим напускным спокойствием.

Глаза мальчишки обожгло слезами.

Цзян Ту спасал его уже столько раз. Всегда легко, играючи, точно одним щелчком пальцев сметая любые преграды на пути. Из-за этой сокрушительной, безупречной мощи Е Хуай совсем позабыл простую истину: его покровитель — не бессмертное каменное изваяние. Он из плоти и крови. Ему тоже бывает больно, он тоже может истекать кровью и страдать.

Цзян Ту ранен, отравлен... и все равно молча заслонял его собой. Не обмолвись Чэн Се о яде, Е Хуай так бы ничего и не узнал.

«Сильно ли болит рана? Опасен ли этот яд? Почему он так добр ко мне, ведь я... ведь я...»

Е Хуай повернул голову в сторону, где скрылись преследователи, и крепко стиснул зубы — до скрежета, до боли в челюсти.

Он прекрасно знал, почему ищейки из Ордена Стремительного Ветра шли по его пятам.

Он обманул Цзян Ту.

<http://bllate.org/book/19047/1951382>